

Пятидесятый год эры Юньчжи.

Император Юнь тяжело заболел. Вскоре Наследный принц оказался под стражей, а после кончины правителя принц Лин узурпировал престол.

Принц Луань, Бянь Му — доселе лишь безвластная тень при дворе — поднял войска, чтобы помочь давнему другу вернуть корону.

Эта война затянулась на три долгих года.

— Принцесса! Принцесса! — задыхаясь, кричал слуга, вбегая в покои.

Принцесса Луань резко поднялась с места, лицо её исказила тревога.

— Ну же? Есть вести?

— Примите весть с поля боя, госпожа... Князь... Его Высочество... — слуга запнулся, не смея договорить.

Ног принцесса под собой больше не чувала. С тихим стоном она осела на пол, взгляд её остекленел от отчаяния.

В тени, забившись в самый темный угол, стоял Юйчи Ган.

«Неужели его больше нет?.. — прошептал он помертвелыми губами. — Неужели это правда?..»

Юйчи Ган был облачен в расшитый шелками сценический наряд — прощальный подарок князя. Теперь это когда-то роскошное одеяние мешком висело на его истощенном теле. Рука, сжимавшая кувшин с вином, мелко дрожала. Шаг за шагом он медленно шёл к подмосткам.

Эту сцену князь возвел специально для него, когда пожар обратил Башню Хайхуа в пепел.

«Вы ведь обещали мне... — думал Юйчи Ган, ступая на скрипучие доски. — Обещали своему Мудрому дитя, что обязательно вернетесь. Что снова посмотрите на мой танец...»

Вытянув из широких рукавов худые руки, он упрямо вцепился в горлышко кувшина. Вино лилось мимо, щедро окропляя доски, но Юйчи Ган словно не замечал этого. Он наполнил два кубка. Один поставил перед собой, другой — напротив, на пустую сторону стола.

— Ваше Высочество, сегодня я исполню для вас свой последний танец, — негромко произнес он в пустоту. — А вы разделите со мной эту чашу. Договорились?

Это было превосходное вино. Прощальный дар от самой принцессы.

Он поднял кубок. Посмотрел на колыхавшуюся темную влагу. Бянь Му больше всего на свете любил его улыбку. Юйчи Ган попытался улыбнуться, но губы дрожали, а по щекам, размывая грим, катились жгучие слезы.

«Помните ли вы, господин, почему нарекли меня Мудрым дитя?..»

«Вы говорили, что я сметлив. Что схватываю всё на лету. Говорили, что любите меня...»

Запрокинув голову, он одним глотком осушил кубок.

— Но почему же вы не сдержали ни одного своего слова? — хрипло выдохнул Юйчи Ган, дрожащими пальцами наливая себе еще. — Обещали вернуться к моему танцу, а сами пропали на целых три года. И ни единой весточки... ни единого знака...

Он горько усмехнулся, глядя на нетронутый кубок напротив.

«Знали бы вы, каково мне пришлось в вашем поместье за эти три года... Жестокий вы человек, господин. Будто не ведали, какая змея ваша супруга. Если бы не клятва, разве остался бы я здесь хоть на день?»

«Господин мой... Помните ли вы меня? Если помните, то почему не вернулись ко мне?..»

Юйчи Ган выпил вторую чашу. Силы мгновенно оставили его. Он покачнулся и тяжело опустился на колени, упершись ладонями в холодный пол. Попробовал подняться — безуспешно.

В груди заклокотал тихий, безумный смех.

— Смотрите, господин... ваше Мудрое дитя даже на ноги встать не может...

Кое-как добравшись до опорного столба сцены, он прислонился к нему спиной. Лицо его сделалось бледнее мела. Он уставился на пустой кубок.

— Сейчас... я станцую для вас. А потом приду... обязательно приду к вам.

Он сделал несколько шатких шагов к середине помостов, но колени подогнулись. Живот скрутило невыносимой, жгучей болью.

— У принцессы... крепкое вино... — прохрипел он.

Черная, густая кровь хлынула из его рта, пачкая подбородок и шелк одеяний.

Глядя на темную лужицу у своих ног, он выдавил слабую, презрительную усмешку. Рукавом сценического халата Юйчи Ган бережно отер рот.

«К господину нужно явиться чистым. Он ведь так любил, когда его Мудрое дитя опрятно...»

Собрав последние крохи сил, он доковылял до центра сцены. Но не успел даже взмахнуть длинными рукавами — сознание угасло, и тело его безжизненным мешком рухнуло на деревянный настил.

— Бянь Му... — сорвался с губ последний вздох.

— Вэй-гээр! Вэй-гээр, да проснись же ты!

«Вэй-гээр» — так его звали все в труппе. И вовсе не оттого, что Юйчи Ган был старше прочих, просто он стал первым учеником мастера, а потому пользовался особым уважением среди сирот.

Голова раскалывалась, во рту пересохло. Юйчи Ган с трудом разлепил веки. Мир вокруг плыл и качался.

— Ну наконец-то! — раздался над ухом знакомый голос. — Вставай, князь приехал!

Взгляд прояснился, и Юйчи Ган обомлел. Перед ним стоял Дин Пинцзы. Его названный брат, один из бесприютных сирот, которых приютил мастер.

Но этого не могло быть. Пинцзы утонул, когда им обоим было всего по одиннадцать лет.

— Пинцзы?.. — прошептал Юйчи Ган, цепляясь за его плечи, ощущая под пальцами теплую, живую плоть. — Ты... ты жив?

Мальчишка бесцеремонно стряхнул его руки и сердито буркнул:

— Совсем спать ложиться разучился? Сам ты покойник!

Он развернулся, собираясь уходить, но у самого порога обернулся:

— Живее давай. Князь прибыл, мастер велел тебе идти к нему.

Дверь захлопнулась.

— Князь... — одними губами повторил Юйчи Ган.

Память услужливо подкинула образ Бянь Му перед его уходом на фронт: тяжелый доспех, холодный блеск стали, непреклонный взгляд. Но сейчас... Юйчи Ган огляделся.

Это была его старая комната в деревянной надстройке Башни Хайхуа. Всё стояло на своих местах. Чайный дом внизу гудел голосами, сцена была цела, Пинцзы только что ушел — живой и невредимый. А значит, на дворе стоял год... этак восьмой или девятый назад.

Князь снова здесь. Живой.

«Неужели я вернулся?..» — мысль казалась дикой, невозможной.

Он изо всех сил ущипнул себя за предплечье. Острая, мгновенная боль обожгла кожу. Нет, это не предсмертный бред.

Юйчи Ган бросился к медному зеркалу на туалетном столике. Из мутной глубины на него смотрело лицо подростка — чистое, гладкое, без того уродливого шрама, что перечеркнул его жизнь несколько лет спустя. Он действительно вернулся в прошлое. В те благословенные дни, когда Башня Хайхуа еще не была предана огню.

Сердце забилося в бешеном ритме. Он распахнул створки окна и выглянул наружу.

Стоял удушливый июль. В округе Аньтань в это время всегда лили бесконечные, изнуряющие дожди, приносящие лишь липкую, плотную духоту. Прежний Юйчи Ган часами просиживал здесь, на подоконнике, спасаясь от зноя.

У ворот Башни Хайхуа высилась знакомая до мельчайшего гвоздика карета. Из неё ещё никто не вышел, но ему не нужно было видеть пассажира, чтобы узнать хозяина экипажа. Это был господин Луань. Его Бянь Му.

В будущем Юйчи Ган проведет в этой карете бесчисленное множество дней.

— Пинцзы! — закричал он, выбегая в коридор.

Ему нетерпелось ринуться вниз, упасть к ногам князя, но страх, что всё это лишь предутренный сон, сковывал грудь.

— Пинцзы, стой! Скажи мне, какой сейчас год? Какое летоисчисление?

Дин Пинцзы остановился и воззрился на него как на сумасшедшего. Он протянул руку, намереваясь приложить ладонь к его лбу, но Юйчи Ган нетерпеливо шлепнул его по пальцам.

— Какая сейчас эра? — настойчиво переспросил он. — Какой год правления Юньчжи?

— Вэй-гээр, да что с тобой стряслось? — нахмурился мальчишка. — Мастер велел тебе скорее собираться. Князь пожелал увидеть танец с длинными рукавами. Исполнять тебе, так что поспеши. Не зли учителя, сам знаешь, каков он в гневе.

Услышав упоминание об учителе, Юйчи Ган окончательно поверил в реальность происходящего.

Он поспешил вниз по скрипучим ступеням, но на полпути замер, словно наткнувшись на невидимую стену.

Внизу стояла девочка.

Дин Жу. Та, что позже станет зваться Шэнь Фу. Будущая принцесса Луань. Его палач.

— Вэй-гээр! — радостно звонко закричала Дин Жу, увидев его, и бросилась навстречу.

Глядя на это улыбающееся, невинное дитя, Юйчи Ган почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Он невольно отступил на шаг назад.

— Вэй-гээр, что с тобой? Почему ты так дрожишь? — ласково спросила девочка и потянулась к его руке.

Стоило её пальцам коснуться его кожи, как Юйчи Ган дико вскрикнул и отпрянул, словно от ядовитой гадюки. Он грубо оттолкнул её руку, тяжело дыша и прижимая ладонь к груди. В его глазах застыл первобытный, непреодолимый ужас.

Перед ним стояла не маленькая Дин Жу. Перед ним стояла безжалостная принцесса Луань, три года истязавшая его в пустом поместье, пока князь воевал на чужбине.

— Вэй-гээр?.. — Дин Жу испуганно замерла, переводя взгляд с него на свою отвергнутую ладонь.

Она не могла понять, почему всегда мягкий и приветливый названный брат теперь смотрит на нее как на чудовище.

— Не подходи... — прохрипел Юйчи Ган, с трудом сглатывая сухой ком в горле. — Слышишь? Не приближайся ко мне!

— Х-хорошо... — пролепетала напуганная девочка, попятившись. — Учитель ждет тебя, иди быстрее.

Юйчи Ган сорвался с места и пулей пролетел мимо неё. Ему казалось, что даже воздух рядом с ней отравлен тем самым ядом, что оборвал его прошлую жизнь.

Оказавшись в гримерной, он рухнул на стул перед зеркалом. Сердце колотилось в ушах, по вискам катился крупный пот. Прошрое и будущее смешались в его разуме, превращаясь в безумный вихрь образов.

— Сяо Юй, почему ты еще не загримирован? — раздался строгий, но глубокий голос от двери.
— Сколько, по-твоему, князь должен ждать?

Юйчи Ган вздрогнул и обернулся.

На пороге стоял Старейшина Дин.

Юйчи Ган замер, не в силах вымолвить ни слова. Учитель... его единственный близкий человек.

Он знал его только как старейшину Дина, не ведая настоящего имени. Его мать, младшая соученица мастера, скончалась при родах, и старик вырастил мальчика сам, заменив ему и отца, и мать.

— Нездоровится? — старейшина Дин подошел ближе и мягко отер холодный пот со лба воспитанника.

Юйчи Ган мотнул головой.

— Нет... всё хорошо. Я сейчас, я быстро.

Он лихорадочно потянулся к баночкам с белилами и румянами. Но пальцы не слушались, а навыки, неостребованные за годы безмолвного прозябания в княжеском поместье, подвели. После короткой, неуклюжей возни фарфоровая баночка с карминовой пудрой выскользнула из рук и с негромким стуком раскололась о пол. Красный порошок рассыпался, напоминая пятна крови.

Над его ухом раздался тяжелый, печальный вздох.

— Учитель... — виновато прошептал Юйчи Ган.

— Давай я, — старейшина Дин забрал у него кисть.

Одной рукой он мягко приподнял подбородок юноши, а другой уверенно повел кистью по его лицу, накладывая грим точными, заученными за долгие годы движениями.

— Учитель... — Юйчи Ган затаил дыхание, боясь спугнуть мгновение. — Какой нынче год?

Старик негромко рассмеялся, аккуратно очерчивая ему брови:

— Совсем заспался, Сяо Юй? Сороковой год эры Юньчжи. Как можно такое позабыть?

Учитель всегда славился своей суровостью, ученики трепетали перед ним, но к Юйчи Гану он неизменно проявлял скрытую, молчаливую нежность.

Юйчи Ган прикрыл глаза, позволяя мастеру завершить работу.

Сороковой год.

До той роковой развязки оставалось ровно тринадцать лет.

Целых тринадцать лет...

У него есть время. Много времени. Он успеет всё изменить.

— Ну вот и всё. Ступай переодеваться. И надень тот красный наряд, — напутствовал учитель, убирая кисти, и направился к выходу.

Глядя на уходящего мастера, Юйчи Ган почувствовал, как к горлу подкатил горячий ком. Спина учителя в его воспоминаниях давно ссутулилась от старости и невзгод, а сейчас она была еще прямой и сильной. Он с трудом сдержал слезы, чтобы не испортить свежий грим.

Облачившись в алые шелка, Юйчи Ган застыл у занавеса. Шагнуть на сцену означало встретиться с ним. Встретиться с Бянь Му.

— Вэй-гээр, ты чего застыл? — Дин Пинцзы высунулся из-за кулис. — Выходи давай, князь уже жаждался.

Не дав Юйчи Гану опомниться, Пинцзы мягко, но решительно подтолкнул его в спину,

выпроваживая на сцену.

Пути назад не было.

Юйчи Ган медленно пошел к середине сцены, уставившись под ноги. Пол под расшитыми туфлями казался зыбким. Голова словно налилась свинцом — он так жаждал увидеть человека, о котором грезил все эти мучительные годы, но сейчас безумно боялся поднять взгляд.

«Посмотри на него... Просто взгляни...» — приказал он сам себе.

Он медленно поднял взгляд.

Образ князя мгновенно отпечатался в его сознании.

Бянь Му. Всё такой же холодный, царственный и неприступный. Красивое, безупречное лицо, на котором никогда не играла улыбка.

<http://bllate.org/book/20438/2112769>